ЧЁРНАЯ ГНИЛЬ

Денис Морок

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Денис Морок

Чёрная гниль

«Автор»
2026

Морок Д.

Чёрная гниль / Д. Морок — «Автор», 2026

Антон Казанцев давно привык жить от звонка до звонка — долги за обанкротившийся цех, коллекторы, забота о жене и двух сыновьях. Но однажды обычная жизнь рушится за одну ночь: город накрывает болезнь, для которой ещё нет названия, только слухи — чёрная кровь, слепые глаза, нечеловеческая скорость.Спасаясь из города, Антон вывозит семью на дачу, в маленький садовый посёлок, который на время станет последним островком нормальности. Здесь ещё работают заборы, здесь ещё можно притвориться, что всё наладится. Но за оградой бродят те, кто раньше был соседями, коллегами, друзьями — а внутри, среди своих, разгораются куда более страшные вопросы: кому можно доверять, когда молчание может стоить жизни, а правда — ещё дороже?По мере того как убежище перестаёт быть безопасным, героям предстоит решить, на что они готовы пойти ради тех, кого любят — и готовы ли вообще остаться людьми, когда вокруг стремительно стирается грань между выжившим и тем, во что он может превратиться.

© Морок Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Соседский шум 5
Конец ознакомительного фрагмента. 12

Денис Морок
Чёрная гниль

Глава 1

Соседский шум

Будильник не звонил — Антон проснулся сам, за семь минут до него, как просыпался почти каждое утро последние два года, с тех самых пор, как завёл привычку просчитывать в голове, сколько ещё протянет цех при нынешних заказах. Сначала мысль о деньгах, потом уже всё остальное — свет из-за шторы, тяжесть одеяла, тихое сопение Леры рядом.

Он полежал ещё немного, глядя в потолок с разводом от протечки, который так и не зашпаклевали с прошлой весны — руки не доходили, да и денег на нормального мастера тоже как-то не находилось, хотя казалось бы, ерунда, пять тысяч рублей. Но в последний год у Антона появилась привычка откладывать любую трату, которая не была критичной прямо сейчас, в какую-то бесконечную папку «потом», и папка эта раздувалась быстрее, чем он успевал её разгребать.

Будильник на телефоне всё же сработал — тихая мелодия, Лера заворочалась, потянулась к тумбочке, выключила раньше, чем звук успел набрать громкость.

— Доброе, — пробормотала она, не открывая глаз.

— Доброе.

Он поднялся первым. Так повелось: Антон вставал, шёл на кухню ставить чайник, Лера ещё минут десять лежала, собираясь с силами перед тем, как придётся будить детей, кормить, одевать, тащить Кирилла в садик, а Егора — в школу, на вторую смену по средам у него было факультативное рисование, будь оно неладно, всё расписание летело из-за этого рисования.

Кухня встретила его обычным утренним холодом — батареи в этом панельном доме топили из рук вон плохо, особенно на верхних этажах, а они жили на четвёртом из девяти, не самый верх, но достаточно высоко, чтобы вода до них шла еле тёплой. Антон включил чайник, достал турку, насыпал кофе — не молотый, растворимый, настоящий они перестали покупать ещё в январе, когда цены на всё разом подскочили на треть, как будто сговорились.

Пока закипала вода, он машинально взял телефон, пролистал новости. Заголовки мелькали привычной мешаниной: курс доллара, что-то про очередное повышение тарифов, спортивная сводка. Между делом — короткая заметка, пара абзацев, задвинутая куда-то в середину ленты: *«В одном из районов Юго-Восточной Азии введён карантин из-за вспышки неизвестной лихорадки. Власти заявляют об отсутствии угрозы распространения»*. Антон скользнул по этому взглядом так же, как скользил по сотне подобных заметок за последние годы — то птичий грипп где-то объявится, то ещё какая-нибудь дрянь, всегда далеко, всегда «власти заявляют об отсутствии угрозы». Он перелистнул дальше, к разделу про бизнес, хотя там тоже не было ничего радостного.

Чайник щёлкнул. Антон залил кофе, сел за стол, потёр лицо ладонями.

Сегодня нужно было решить, что делать с заказом для зоомагазина на Промышленной — партия лежанок для животных, сто двадцать штук, срок сдачи через четыре дня, а ткань, которую он заказал ещё неделю назад, застряла где-то на складе поставщика. Он уже два раза звонил, два раза ему обещали «завтра привезём», и Антон прекрасно знал цену этим обещаниям.

Телефон завибрировал на столе — незнакомый номер. Антон поморщился, но ответил, потому что в его положении нельзя было игнорировать ни одного звонка, вдруг клиент.

— Антон Викторович? — голос был сухой, деловой, с лёгким нажимом, который Антон уже научился узнавать с первых секунд.

— Да, слушаю.

— Беспокоят из юридической службы по взысканию задолженности. Звоним по поводу обязательств Сергея Вадимовича Полуниных, вы указаны как поручитель по договору от...

— Я в курсе договора, — перебил Антон, чувствуя, как внутри что-то сжимается, привычно, почти буднично, как будто это была уже не боль, а просто фоновый гул, с которым он научился жить. — Я уже говорил вашим коллегам в прошлый раз. Я не видел Сергея три года. Я не знаю, где он, и я не имею отношения к тому, что он там набрал после того, как мы разошлись.

— Тем не менее, Антон Викторович, по договору поручительства ответственность...

— Я знаю, что по договору, — голос Антона стал тише, тверже. — У меня есть юрист, можете звонить ему, номер я вам уже присылал. Всё, до свидания.

Он положил трубку и некоторое время смотрел в стену.

Три года. Три года прошло с тех пор, как их общий бизнес — тот самый цех, который теперь принадлежал одному Антону, — развалился из-за долгов, которые наделал Сергей, не посоветовавшись, не предупредив, просто поставив Антона перед фактом, когда уже было поздно что-либо менять. Три года с тех пор, как Сергей исчез, оставив после себя пустоту, недостроенный станок, несколько десятков исков и привычку вздрагивать каждый раз, когда звонил незнакомый номер.

Антон до сих пор не понимал, что чувствует к нему сильнее — злость или что-то похожее на тревогу. Они были не просто партнёрами. Друзьями — с институтских ещё времён. И вот однажды это всё закончилось, молча, без разговора, без финальной точки, просто обрывом, как будто кто-то выдернул страницу из середины книги.

— Кто звонил? — Лера появилась на кухне, в халате, с заспанным лицом, за руку таща Кирилла, который упирался и что-то недовольно бормотал, прижимая к себе потрёпанного плюшевого зайца с одним оторванным ухом — Бубочку, с которым сын не расставался уже второй год, несмотря на все попытки подсунуть ему что-то новое.

— Коллекторы, — коротко ответил Антон. — Опять по Серёгиным долгам.

Лера поморщилась, усадила Кирилла на стул, взяла турку, проверила, остался ли ещё кофе.

— Сколько раз им уже можно объяснять.

— Столько, сколько им нужно, чтобы я заплатил, — Антон пожал плечами. — Это их работа. Звонить и давить, пока кто-нибудь не сломается.

— Ты не сломаешься, — сказала Лера, и в этом не было вопроса, только утверждение, та уверенность, которая у неё всегда появлялась в голосе, когда дело касалось их семьи. Она верила в него упрямее, чем он сам иногда верил в себя.

— Я зайца хочу покормить, — громко заявил Кирилл, протягивая Бубочку куда-то в сторону хлебницы.

— Зайцы хлеб не едят, малыш, они морковку любят, — Лера улыбнулась, потрепала сына по вихрам.

— Этот ест хлеб, — убеждённо возразил Кирилл.

Из коридора донёсся звук — Егор спускался по лестнице со второго яруса их квартиры, с портфелем наперевес, в наполовину застёгнутой рубашке.

— Пап, а ты сможешь забрать меня после рисования? У меня там новая тема, хочу показать.

— Смогу, — соврал Антон, прекрасно понимая, что в четыре часа у него назначена встреча с поставщиком тканей, и он скорее всего снова опоздает, и снова придётся звонить

Лере, чтобы она подхватила сына, и снова в её голосе будет та едва заметная усталость, которую Антон слышал всё чаще в последнее время.

Завтрак прошёл как обычно — быстро, в суете, под аккомпанемент новостного канала, который негромко бубнил с экрана старого телевизора на кухне. Ведущая зачитывала сводку: котировки, погода, затем — короткий сюжет о начале массовой вакцинации от нового штамма сезонного гриппа.

«Минздрав рекомендует привиться всем группам риска уже в этом месяце. Вакцинация бесплатна и проводится во всех городских поликлиниках...» — голос ведущей был ровным, скучным, таким же, каким он бывает каждую осень, когда рассказывают про прививки от гриппа. Никто на кухне даже не поднял головы на экран.

— Надо бы Егора свозить привить, — сказала Лера, не отрываясь от бутерброда, который намазывала Кириллу. — В садике говорили, что в этом году какой-то новый штамм, активно рекомендуют.

— Свозим на выходных, — отозвался Антон, думая уже о другом — о ткани, о четырёх днях до сдачи заказа, о звонке, который ему нужно было сделать поставщику ровно в девять, как только откроется офис.

Он поцеловал Леру, чмокнул в макушку Кирилла, взъерошил волосы Егору — «веди себя хорошо» — и вышел из квартиры, оставив за спиной привычный утренний гул маленькой квартиры, который он любил больше, чем готов был признать вслух.

На лестничной клетке, у двери напротив, курил Виталий.

Сосед жил в квартире напротив уже лет восемь, с тех пор как въехал туда один, после развода, и так и остался — замкнутый мужчина лет пятидесяти, работавший, кажется, где-то на производстве, хотя толком никто из соседей не знал где именно. Отношения у них с Антоном были ровно такие, какие обычно бывают между соседями по лестничной клетке: кивок при встрече, пара фраз про погоду, иногда — просьба придержать дверь или занять трояк на хлеб, которую Виталий всегда возвращал на следующий день, щепетильно, будто боялся остаться кому-то должным.

— Здорово, — буркнул Виталий, затягиваясь.

— Привет, — кивнул Антон. — Куришь тут опять, участковый оштрафует.

— Да какой участковый, — Виталий усмехнулся, но улыбка вышла какой-то вымученной, как будто через силу. Он выглядел неважно — бледный, с тёмными кругами под глазами, волосы растрёпаны, как будто не спал толком несколько ночей. — Работы много. Не высыпаюсь.

— Бывает, — согласился Антон, уже спускаясь по лестнице. — Ты это, если что, звони, если нужна помощь какая.

— Да нормально всё, — донеслось ему вслед, не слишком убедительно.

Антон не придал этому значения. Мало ли у человека какие проблемы — развод давнишний, работа, возраст свой берёт. У каждого свой груз, свои бессонные ночи. У него у самого их хватало.

День прошёл в обычной суматохе — звонки поставщику, который снова не смог ничего обещать конкретного, разговор с мастером цеха о том, что машинку для прошивки войлока опять заклинило, короткий обед, который Антон съел прямо за компьютером, разбирая накопившиеся счета.

Около полудня позвонил Максим.

— Здорово, — голос друга был, как всегда, бодрый, с лёгкой хрипотцой заядлого курильщика. — Как у тебя с запчастями для станка? Я тут нашёл один вариант подешевле, скинуть контакты?

— Скидывай, конечно, — Антон откинулся на стуле. — Как сам?

— Нормально, работы по горло. У нас тут весь сервис завален, как будто все разом решили машины чинить перед зимой. Слушай, а вы на дачу собираетесь в этом месяце? Погода вроде неплохая ещё стоит, можно бы шашлыков замутить, с семьями.

— Надо спросить у Леры, но вроде планировали на следующие выходные съездить, яблоки же собирать пора, — Антон потёр переносицу. — Присоединяйтесь, если хотите.

— О, заметано. Я своей скажу.

Они поболтали ещё пару минут, ни о чём особенном, как это бывает между друзьями, которые знают друг друга слишком давно, чтобы нуждаться в поводе для разговора. Максим был единственным, кто остался на связи с Антоном после того, как рухнуло партнёрство с Сергеем — странным образом, именно Макс оказался рядом в те недели, когда всё разваливалось, помогал с переездом станков, одалживал денег без лишних вопросов, хотя сам тоже не купался в достатке.

Положив трубку, Антон вернулся к счетам, но мысли то и дело соскальзывали куда-то в сторону — то на предстоящий разговор с заказчиком из зоомагазина, которому, видимо, придётся звонить и просить об отсрочке, то на короткую новостную заметку утром про карантин где-то на другом конце света, которая почему-то зацепилась в памяти, хотя он и сам не мог сказать почему.

Вечером, когда дети уже спали, а Лера дошивала последний заказ на кухонном столе под светом настольной лампы, Антон сидел рядом, разбирая квитанции.

— Как прошёл день? — спросила Лера, не поднимая головы от ткани.

— Как обычно. Коллекторы, поставщик динамит, Макс звонил, предложил на дачу вместе съездить в выходные.

— О, было бы неплохо, — Лера улыбнулась. — Дети обрадуются, Кирилл любит, когда там Соня... то есть, — она осеклась, — не Соня, она же вроде из других соседей, я имею в виду детей Макса.

— Да я понял, — Антон усмехнулся, глядя на неё. Устала, видно было по глазам, но в этой усталости было что-то тёплое, домашнее, привычное — та жизнь, ради которой он каждый день заставлял себя вставать и разбираться с бесконечными счетами и звонками.

Они посидели ещё немного в тишине, нарушаемой только стрекотом швейной машинки и шелестом бумаги. Потом легли спать — обычный вечер, обычная ночь, ничем не отличающаяся от сотни предыдущих.

Антон проснулся около трёх часов ночи от звука, который не сразу смог определить.

Сначала ему показалось, что это приснилось — глухой удар, будто что-то тяжёлое упало на пол. Потом — ещё один, и ещё, с интервалом в несколько секунд, методично, как будто кто-то что-то передвигал или ронял специально.

Звук шёл из-за стены — со стороны лестничной клетки, точнее, с другой стороны площадки. От квартиры Виталия.

Антон полежал несколько секунд, прислушиваясь, не до конца уверенный, не спит ли он ещё. Лера рядом не пошевелилась, дышала ровно.

Удары повторились — три подряд, тяжёлые, глухие, будто мебель двигали или что-то роняли на пол снова и снова. Потом — звук, который заставил Антона резко сесть в кровати. Низкий, протяжный стон, почти не похожий на человеческий, скорее на что-то среднее между рычанием и плачем. Он оборвался так же внезапно, как начался.

Тишина.

Антон сидел в темноте, вслушиваясь. Сердце колотилось сильнее, чем должно было от простого ночного шума — организм среагировал раньше, чем разум успел придумать рациональное объяснение.

«Пьяный, наверное, — подумал он. — Телевизор уронил или с кровати свалился. Или фильм ужасов смотрит на полную громкость, мало ли».

Удары не повторялись больше. Минута тишины, другая. Антон почти уже решил, что ему показалось, что это было что-то обычное, бытовое, не стоящее внимания, когда до него донёсся ещё один звук — тихий, едва слышный через стену, шаркающий, будто кто-то медленно и тяжело волочил ноги по полу, из одной комнаты в другую, туда-сюда, снова и снова, без остановки.

Это длилось долго. Антон не мог сказать точно сколько — может быть, пятнадцать минут, может быть, полчаса. Шарканье то стихало, то возобновлялось, монотонное, лишённое всякого смысла, как будто кто-то ходил по квартире кругами, не в силах остановиться.

— Что там? — сонно пробормотала Лера, наконец проснувшись то ли от его напряжённой позы, то ли от того же звука.

— Не знаю, — тихо ответил Антон. — Виталий, кажется, что-то уронил. Или не спится ему.

— Может, случилось что-то, — Лера приподнялась на локте, прислушиваясь.

Они полежали так ещё немного, вдвоём вслушиваясь в тишину квартиры напротив. Шарканье стихло окончательно. Больше не было слышно ничего — ни звука телевизора, ни голосов, ни шагов. Полная, глухая тишина, которая почему-то тревожила сильнее, чем шум до этого.

— Может, постучать к нему? — спросила Лера. — Спросить, всё ли нормально?

Антон посмотрел на часы — начало четвёртого ночи.

— Да ладно, не будем человека будить в такое время, если он уже спать лёг, — он снова откинулся на подушку, хотя сон как рукой сняло. — Утром увидимся, спрошу, что у него случилось. Выпил, наверное, с кем-то поссорился по телефону, мало ли.

Лера ничего не ответила, только придвинулась ближе, положила голову ему на плечо. Они оба понимали, что объяснение звучит не слишком убедительно, но ни тот, ни другой не хотели развивать эту мысль дальше, посреди ночи, когда проще было списать всё на обычную соседскую странность и постараться снова уснуть.

Антон лежал в темноте ещё долго, глядя в потолок с давним разводом от протечки, и почему-то не мог отделаться от ощущения, что звук, который доносился из квартиры напротив, не был похож ни на один из тех бытовых шумов, к которым он привык за восемь лет жизни в этом доме.

Он так и не понял, в какой момент провалился в сон. А когда открыл глаза — будильник уже тренькал, за окном стоял серый, невнятный рассвет, и голова была тяжёлой, как будто он не спал вовсе, а просто пролежал несколько часов с закрытыми глазами, прокручивая в памяти тот странный стон из-за стены.

Лера уже встала, возилась на кухне с Кириллом. Антон полежал ещё минуту, потом заставил себя подняться, умылся, побрился наспех, глядя в зеркало на собственное помятое лицо.

За завтраком никто не вспоминал про ночь — Кирилл требовал, чтобы Бубочке тоже налили чай, Егор что-то рассказывал про рисование, и обычная утренняя суета как будто стёрла ночную тревогу, задвинула её куда-то на периферию, туда же, где лежали все остальные бытовые мелочи, не стоящие внимания.

Но когда Антон вышел на лестничную клетку, собираясь на работу, тревога вернулась — резко, почти физически, стоило ему увидеть дверь квартиры напротив.

Дверь была приоткрыта. Не настежь — сантиметров на десять, ровно настолько, чтобы в тёмную щель между дверью и косяком была видна полоска полумрака прихожей.

Антон остановился, не сразу сообразив, что его смутило. Потом понял: Виталий никогда не оставлял дверь открытой, даже на минуту — у него была своя маленькая паранойя насчёт воров, он как-то жаловался, что в соседнем подъезде обнесли квартиру, пока хозяин выносил мусор, и с тех пор запирал дверь даже выходя на лестницу покурить.

— Виталий? — позвал Антон, подходя ближе.

Тишина.

Он постучал костяшками пальцев по косяку, не решаясь толкнуть дверь сильнее. — Виталий, ты дома? У тебя дверь открыта.

Из глубины квартиры донёсся звук — короткий, резкий, будто что-то задели или уронили, и сразу вслед за этим — голос, хриплый, невнятный, как будто говорящий давно не пил воды.

— Закрой... — проговорил Виталий откуда-то изнутри, и в голосе было что-то не похожее на обычную его сонную хрипотцу — скорее раздражение, резкое, почти болезненное. — Закрой дверь, ради бога, только тихо.

— Что? — Антон непонимающе моргнул.

— ТИХО, — повторил голос, уже громче, с нажимом, и тут же, будто спохватившись, перешёл обратно на хриплый шёпот: — Громко всё. Голова раскалывается. Закрой дверь просто, я сам потом.

Антон замешкался, стоя в проёме, не зная, входить ли внутрь или послушаться и уйти.

— Тебе плохо? Скорую вызвать?

— Не надо скорую, — отрезал Виталий, и в этот момент из полумрака прихожей показался он сам — ссутулившийся, в одной майке, несмотря на утреннюю прохладу в квартире, бледный до синевы под глазами, с растрёпанными волосами, прилипшими ко лбу, будто он взмок от пота. Он держался рукой за стену, другой прикрывал один глаз, щурясь на свет, льющийся с лестничной клетки, как от слишком яркого солнца, хотя за окном висело обычное хмурое утро.

— Виталий, ты весь белый, — Антон невольно сделал шаг назад. — Что случилось-то?

— Не выспался, — голос соседа дрогнул, и на секунду в нём прорвалось что-то похожее на настоящий испуг, быстро загнанный обратно, спрятанный за раздражённой гримасой. — Всю ночь шум какой-то... в стенах будто. Трубы, что ли, гудели. Не мог уснуть вообще.

Антон вспомнил глухие удары, протяжный стон, шарканье по квартире, и что-то внутри него сжалось сильнее, чем от обычного беспокойства о соседе.

— Это ты шумел ночью, — осторожно сказал он. — Мы слышали. Удары какие-то, и потом ты как будто ходил туда-сюда долго.

Виталий посмотрел на него — и в этом взгляде на мгновение мелькнуло что-то, чего Антон раньше никогда у него не видел: не узнавание, а короткая, почти животная настороженность, будто он впервые по-настоящему разглядывал человека перед собой, оценивая его.

Потом взгляд снова стал обычным, усталым, человеческим.

— Да шумело что-то, не я, — пробормотал Виталий, отводя глаза. — Может, с трубами вопрос, надо в управляшку звонить. Ты это, иди давай, не задерживайся, у тебя же работа.

— Ты точно в порядке? — Антон всё ещё медлил. — Может, воды принести, или...

— НОРМАЛЬНО ВСЁ, — рявкнул вдруг Виталий, так резко и громко, что Антон вздрогнул, а сосед тут же скривился от собственного крика, зажмурившись, будто эхо собственного голоса ударило по нему физически, отозвалось болью где-то внутри черепа. Он привалился плечом к стене, тяжело задышал, и на несколько секунд в прихожей повисла тишина, в которой было слышно только его частое, хриплое дыхание.

— Извини, — выдавил он наконец, уже тише, почти шёпотом. — Голова. Правда голова. Иди, Антон, иди на работу, всё нормально будет.

Антон постоял ещё секунду, разрываясь между чувством тревоги и нежеланием лезть не в своё дело, туда, куда его явно не звали. В конце концов он кивнул, попятился к лестнице.

— Ладно. Если что — стучи, мы дома до девяти ещё.

Виталий не ответил. Он уже закрывал дверь — медленно, неловко, будто руки плохо слушались, и в последнюю секунду, прежде чем дверь захлопнулась, Антон успел заметить тёмное пятно на рукаве его майки, у самого плеча — не то кровь, не то что-то другое, тёмно-бурое, уже подсохшее.

Дверь закрылась с глухим стуком. Щёлкнул замок.

Антон остался стоять на лестничной клетке один, глядя на закрытую дверь, и то смутное беспокойство, что мучило его с трёх часов ночи, вдруг оформилось во что-то более конкретное, хотя он и сам не мог бы сказать, во что именно.

«Может, подрался с кем-то, — подумал он, спускаясь по лестнице. — Или сам поранился, пьяный был. Не моё дело в конце концов».

Он повторял это себе всю дорогу до машины, и ещё раз, уже садясь за руль, и снова, выезжая со двора — но пятно на рукаве почему-то не шло из головы, как и тот короткий, почти звериный взгляд, которым Виталий окинул его в прихожей.

День закрутил Антона привычной каруселью — звонок поставщику, короткая перепалка с Николаем Степановичем, мастером цеха, из-за того, что опять заклинило машинку для прошивки поролона — ту самую, на которой простёгивали слои для лежанок, — встреча с представителем зоомагазина, которую удалось перенести на три дня позже без особого скандала.

Около двух часов дня позвонила Лера — и по первому же «алло» Антон понял, что что-то не так: голос у неё был взволнованный, сбивчивый.

— Антон, слушай, — она заговорила быстро, не дожидаясь, пока он успеет спросить, что случилось, — тут внизу шум, я с балкона выглянула — скорая стоит у подъезда и ещё машина какая-то, не знаю чья, без опознавательных знаков, и полиция вроде тоже подъехала.

— К нам в подъезд? — Антон выпрямился в кресле, прижал телефон плотнее к уху.

— Да, прямо к нашему. Я спустилась на пролёт — не вышла, просто посмотрела, — там у двери Виталия двое в защитных костюмах, таких, знаешь, как в фильмах про эпидемии показывают, белые, с масками. Соседка снизу, Валентина Петровна, говорит, что ночью от него жалобы были — кто-то вызвал полицию из-за криков, а потом ещё раз скорую, уже под утро.

Антон почувствовал, как у него внутри что-то неприятно оборвалось.

— Костюмы защитные? Ты уверена?

— Да говорю же, видела своими глазами, прямо как на видео из новостей про карантин, — голос Леры дрожал. — Антон, мне просто не по себе, если честно.

— Подожди, — перебил он, пытаясь говорить спокойно, хотя внутри уже нарастало что-то похожее на панику. — Ты дверь на замок закрыла?

— Да, конечно.

— Хорошо, сиди дома, никуда не выходи, я сейчас постараюсь закончить дела и приеду.

— А если спросят что-то, если полиция в дверь постучит...

— Открой, расскажи, что знаешь, — Антон потёр лоб свободной рукой. — Мы же ничего плохого не сделали. Просто расскажи, что слышали ночью шум.

Они поговорили ещё с минуту — Лера явно хотела, чтобы он приехал прямо сейчас, но Антон, стараясь звучать увереннее, чем чувствовал себя на самом деле, пообещал закончить максимум через час и перезвонил Николаю Степановичу, отменяя оставшиеся на день встречи под каким-то наспех придуманным предлогом.

Положив трубку, он некоторое время сидел неподвижно, глядя в пустоту перед собой.

Защитные костюмы. Полиция. Скорая — дважды за ночь.

Он вспомнил бурое пятно на рукаве Виталия, его неестественную реакцию на громкие звуки, тот короткий звериный взгляд в прихожей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.